

Фрэнсис Брет Гарт

Лото

Фрэнсис Брет Гарт
Лото
Серия «Повести-пародии»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9067910

Аннотация

«Я помню его маленьким мальчиком, – сказала герцогиня. – Его мать была моим большим другом; знаете, она была одною из моих подруг на моей свадьбе.

– И с тех пор вы никогда его не видали, мама? – спросила её старшая замужняя дочь, нисколько не казавшаяся старше своей матери.

– Никогда; он вскоре осиротел. Я часто упрекала себя за это, но так трудно посещать мальчиков...»

Содержание

Фрэнсис Брет Гарт

Лото, или похождения молодого человека на поисках религии

*М-ра Бенджаминса*¹.

Я помню его маленьким мальчиком, – сказала герцогиня. – Его мать была моим большим другом; знаете, она была одною из моих подруг на моей свадьбе.

– И с тех пор вы никогда его не видали, мама? – спросила её старшая замужняя дочь, нисколько не казавшаяся старше своей матери.

– Никогда; он вскоре осиротел. Я часто упрекала себя за это, но так трудно посещать мальчиков.

Этот простой, но изящный разговор происходил в рабочей комнате Плушама; хозяйка прекрасного отеля сидела, окруженная своею семьею, все её замужние дочери были подле неё. Одна из них ловко вязала на золотых спицах самым причудливым узором шелковый кошелек; никто бы не поверил, зная почти баснословное богатство герцога, чтобы

---

¹ Подразумевается Бенджамин д'Израэли, лорд Биконсфилд; и самое название повести: «Лóто» (Lothaw) должно напомнить роман д'Израэли: «Лотар» (Lothair).

этот тонкий кошелек предназначен был вместить в себе сумму не менее как в 1.000,000 фунтов стерлингов; другая вышивала туфли исключительно жемчужными зернами; третья раскрашивала что-то самыми редкими красками и золотила тончайшим сусальным золотом. Красивые женщины работали, нагнувшись над пяльцами с блестящею вышивкою, и красивые пяльцы касались груди, украшенных жемчугом. Другие, сидевшие подалее, часто напевали мелодии, пробую пассажи нового романса, сообщенного им в рукописи и сочиненного каким-нибудь преданным, титулованным другом исключительно для аристократического круга и никак не для публикации.

Сама герцогиня, не имевшая себе равной по красоте, богатству и положению, была замужем за первым аристократом трех соединенных королевств. Те, кто занимался этими делами, знали, что дети были положительно во всем схожи с родителями – особенность аристократов и богачей. Они все между собою были похожи, точно братья и сестры, кроме родителей, – благодаря чистоте их крови, изяществу манер и роскошной обстановке, родителей можно было принять за их же старших сына и дочь. Дочери, за исключением одной, были все замужем за первыми аристократами страны. Это исключение составляла леди Кориандер, которая имея выбор только между маркизом и человеком, жившим своими доходами в 1.000,000 ф. стерл., еще выжидала. Они собрались в священной изящной интимности семейного кру-

га за завтраком, и у всех на царственных лбах блестели коронки, которые они всегда носили из сыновнего уважения в торийскому направлению отца и к ритуалистическим вкусам матери; вид был столько же изящный, сколько ослепляющий. Эта особенность и сильное фамильное сходство побудили их зятя, добродушного Ст. – Аддльгурда, сказать: «клянусь душою, знаете, вся эта изящная толпа имела вид карточных козырей». Ст. – Аддльгурд был радикал. Имея дохода 15.000,000 ф. стерл. и принадлежа к одной из старейших фамилий Британии, он мог себе позволить быть таковым.

– Мама, я обронила жемчужину, – сказала лэди Бориандер, наклоняясь над персидским ковром.

– С ваших губок, милый друг мой, – сказал Лото, входя в ту самую минуту в комнату.

– Нет, из моей работы. Это была очень ценная жемчужина, мама; папа заплатил за две Исааку и сыновьям 50,000 ф. стерл.

– А, в самом деле, – сказала герцогиня, лениво поднимаясь: – пойдемте завтракать.

– Но, ваша светлость, – вмешался Лото; он был еще очень молод и на четвереньках ползал по ковру, ища упавшую жемчужину. – Подумайте, сколько это стоит...

– Дорогой друг, – вмешалась герцогиня, с большим тактом, слетка приподнимая его за фалды сюртука, – я жду вашу руку.

Лото был страшно богат. Владея семнадцатью замками, пятнадцатью виллами, девятью охотничьими павильонами и семью городскими домами, он имел, кроме того, другие владения, о которых даже не слыхал.

Все в Плушаме играли в крокет, и все играли отлично. После чистоты их крови и громадного богатства, семья их славилась этим искусством. Однако, Лото скоро надоела игра, он серьёзно ушиб себе свою аристократическую больную ногу, и прихрамывая побежал к герцогине.

– Я иду на птичий двор, – сказала она.

– Позвольте мне идти с вами, я очень люблю кур – жареных, – прибавил он в раздумье.

– Герцог подарил на днях леди Монтери больших кохинхинок, – продолжала герцогиня, переменяя деликатно разговор.

Lady Montairy,
Quite contrary,
How do your Coehins grow?²

Запел весело Лото.

Герцогине это не понравилось. После продолжительного

---

² Леди Монтери, совершенно напротив, как поживают ваши кохинхинки.

молчания Лото отрывисто и серьёзно сказал:

– Вот что, сударыня; когда я вернусь в свое имение, я бы желал построить там несколько усовершенствованных коттеджей для бедных, и жениться на леди Кориандер.

– Вы пугаете меня, дорогой друг; тем не менее оба ваши желания так благородны и так хороши, – сказала герцогиня: – но Кориандер еще дитя, как и вы, – прибавила она, смотря приветливо на своего спутника.

В первый раз Лото был на большом обеде у м-ра Путнея Джильса. Внимательно наблюдая за другими, ему удалось добропорядочно держать себя; он не пил из полоскательницы, но пробовал украдкой чайной ложечкой содержимое в ней. Разговор был особенный и замечательно интересный.

– Так вы полагаете, что моногамия просто дело термометра? – сказала м-рс Путней Джильс своему соседу.

– Я положительно думаю, что полигамия определяется изотермическими линиями, – возразил Лото.

– Это, так сказать, вопрос широты, – заметил господин, сидевший напротив и много, и громко говоривший. Он был профессором в Оксфорде, имел сильную склонность к сатире и во время обеда очень не нравился всему обществу, плохо отзываясь о бывшем хорошо известном канцлере казначейства, – замечательном государственном человеке и блестящем романисте, которого он боялся и ненавидел.

Вдруг в комнате произошло смятение; между женщинами оно было даже очень сильно. Доложили о приезде его святей-

шествия кардинала. Он вошел такой ласковый и пожал руку каждому, спрашивая о здоровье родных и трепля по подбородку самых хорошеньких женщин, с возвышенной грацией, свойственной хорошо воспитанным людям его положения, и затем сел, сказав: как же вы поживаете сегодня, друзья мои? – на нескольких языках, на которых он говорил вполне свободно.

Сердце Лото было тронут. Это появление произвело впечатление на его глубокие религиозные убеждения. Он тотчас же подошел к этому высоко-одаренному существу, исповедался и получил отпущение грехов. Завтра, сказал он сам себе, я приму причастие и отдам церкви все мои обширные владения. Теперь не время думать об усовершенствованных коттеджах.

* * *

В то время как Лото уходил от кардинала, его поразило прекрасное лицо. Это было лицо женщины высокого роста, но стройной, как колонна ионического ордена. У неё было лицо гречанки, а виски уроженки Коринфа; эллинские глаза, смотревшие из-под нависших бровей, громадные, точно слуховые окна, на аттическом челе, дополняли её превосходные афинские черты. На ней был надет черный казакин, застегнутый до верху и оканчивавшийся стоячим воротничком, и цветные панталоны.

– Милостивый государь, вас поразило это лицо, – сказать один социальный паразит.

– Да; кто она?

– Ее зовут Мери-Анна. Она замужем за американцем и недавно выдумала новую религию.

– А! – сказал серьёзно Лото, с трудом удерживаясь, чтобы не кинуться к ней.

– Да; хотите, я представлю вас?

Лото подумал о наклонности леди Кориандер к «высокой церкви», о кардинале, и не решился: – Нет, благодарю вас, не теперь.

* * *

Лото входит в зрелость. Он присутствовал на двух собраниях о правах женщины, на трех митингах фениев, обедал раз у Вайта, танцевал vis-à-vis с принцем крови и ел на золотой посуде в Креси-гоузе.

Его конюшни были близь Оксфорда и занимали более обширное пространство, нежели университет. Он ехал как-то туда и приметил, как несколько мужиков и служителей старались удержать пару несшихся лошадей, запряженных в коляску, в которой сидели лэди и джентльмен. Спокойно дожидаясь окончания несчастного случая, благовоспитанный Лото не позволил себе вмешиваться, пока коляска не опрокинулась, сидевшие в ней не были выброшены на землю и бе-

шенные животные остановлены служителями, – тогда он подошел и предложил даме исключительное пользование его оксфордскими конюшнями.

Обернув к нему лицо свое, эллинские черты которого были ему отлично памяты, она медленно высвободила из-под колес господина, и с женским достоинством представила ему, как своего мужа – генерал-майора Вампердоуна, американца.

– А, – сказал беспечно Лото, – у меня, кажется, там есть земли. Если я не ошибаюсь, мой агент м-р Путней Джильс недавно купил там штат – Иллиной, – кажется, вы так его называете?

– Именно. Я – житель города Чикого, позвольте представиться вам, как хозяину.

Лото грациозно поклонился джентельмену; последний, кроме того, что был одет лучше многих англичан, не обнаруживал других признаков плебейского происхождения.

– Мы встречались прежде, – сказал Лото, обращаясь к леди, которую вел под руку, показывая ей свои конюшни, университет и другие примечательные места в Оксфорде. Пожалуйста, скажите мне, в чем состоит ваша новая религия?

– Выборное право женщин, свободная любовь, обоюдная помощь, коммунизм. Примите ее и – меня.

Лото не знал, что ему делать. Она поддержала его и запечатлела поцелуем его смолкнувшие уста. Генерал приблизился и с тактом истинного джентльмена слегка кашлянул.

– Мой муж будет очень счастлив переговорить с вами далее об этом предмете, – сказала она спокойно и с достоинством, идя подле генерала. – Отправимтесь с нами в Онейду. Брукская ферма – уже дело прошлого.

* * *

Когда Лото ехал к своему деревенскому местопребыванию «The Mural Enclosure», он увидел толпу, как кажется состоявшую из рабочего класса, собравшуюся вокруг человека странного вида, в живописном одеянии негритянского певца. – Что такое он говорить? – спросил Лото своего возницу.

Неизвестный почтительно снял шляпу и сказал: «моя Мери-Анна».

– Моя Мери-Анна! – Сердце Лото быстро забилося. Его был этот таинственный иностранец? Он слышал от леди Кориандер о каком-то заговоре папистов; но мог ли он подумать, что м-р Бампердоун имеет с ним что-нибудь общее?

Вид двух-сот вооруженных людей, шедших ему на встречу у ворот «The Moral Enclosure» отогнал посторонние мысли из головы молодого и впечатлительного Лото. Следом за этими людьми на ступенях господского крыльца, стояли его служители, имея во главе старшего повара и старшего прислужника за столом. По обеим сторонам стояли две группы женской прислуга, имея впереди старшую прачку, они держали длинный свиток предков, на котором висело фамиль-

ное белье и пройдя под которым молодой лорд вступил к жилище своих отцов. Двадцать-четыре поваренка несли на плечах массивную золотую и серебряную фамильную посуду и поставили ее у ног своего господина. Тогда управляющий пересчитал ложки, и церемония окончилась.

Лото вздохнул. Он отыскал богато раззолоченную «Урну» или священный мавзолей, воздвигнутый его деду в главной комнате второго этажа, и плакал над прахом человека, которого не знал. Он бродил одиноко по своему великолепному парку, и бросившись на дерновую скамейку, стал размышлять о великой Первой Причине, и о необходимости религии. Я пошлю Мери-Анне великолепный подарок, – сказал задумчиво Лото.

* * *

– Каждая из этих жемчужин, милорд, стоит пятьдесят тысяч гиней, – сказал м-р Аметист, модный брильянтик, легко загибая лопаткою из ларя, стоявшего за его конторкою.

– В самом деле, – стал беспечно Лото, – я предпочел бы посмотреть более дорогие.

– Вероятно, шестой номер, – сказал м-р Аметист, беря пару жемчужин с верху маленькой пирамиды, сложенной из них на полке. Эти величиною одинаковы с жемчугом герцогини Биллингсгетъ, но они лучшего достоинства. Дело в том, что её светлость позволяет двум своим детям, марту

Смитфильду и герцогу Ст. Джильсу, – славные, хорошенькие мальчишки – употреблять их в своих играх вместо шариков. Жемчуг требует, чтобы с ним обращались бережно, и я два раза в неделю хожу чистить их. Может быть, милорд желает несколько жемчужных нитей?

– Длинною в половину каната, – сказал коротко Лото, и пришлите их во мне на дом.

М-р Аметист задумался. – Боюсь, у меня нет достаточного числа – то есть, извините меня на минуту. Я сбегая в Тоуэр и займу несколько у коронных брильянтиков. – И прежде чем Лото успел выговорить слово, он схватил шляпу и оставил Лото одного.

Положение его, конечно, было затруднительное. Он не мог сделать ни шагу, не ступив на драгоценные перлы, скатившиеся с конторки; самые редкие драгоценные камни были разбросаны на полках; целые состояния, заключавшиеся в неимеющих цены изумрудах, были у него под рукою, хотя его аристократическая, чистая кровь и сила его религиозных убеждений не позволили бы ему прикарманить ни одного брильянта, и тем не менее ему не могло не придти в голову, что его могут обвинить в краже одного из них. – Вы можете обыскать меня, – сказал он, когда вернулся м-р Аметист; – но уверяю вас честью джентльмена, что я ничего не взял.

– Довольно, милорд, – сказал м-р Аметист, с низким поклоном: – мы никогда не обыскиваем аристократов.

Когда Лото покинул м-ра Аметиста, он наткнулся на генерала Кампердоуна. – Как поживает Мери-Анна? – спросил он поспешно.

– К сожалению, я должен объявить вам, что она умирает, – сказал серьезном голосом генерал, вынимая изо рта сигару и снимая шляпу перед Лото.

– Умирает! – повторил недоверчиво Лото.

– Увы, это правда! – возразил генерал. – Чтения в продолжение целого сезона, простуда зимою, путешествие по железным дорогам и дурное питание в дороге отозвались на её деликатном сложении. Но она желает видеть вас перед смертью. Вот ключ от моей квартиры. Я dokonчу здесь на улице мою сигару.

Лото, войдя в полу-освещенную комнату умирающей женщины, с трудом узнал её эллинское исхудалое лицо. Это была совершенно классическая развалина, – такая же несчастная и такая же совершенная как Парфенон. Он в молчании схватил её руку.

– Речи на открытом воздухе два раза в неделю и плохой хлеб в деревнях привели меня к этому, – произнесла она слабым голосом: – но это ничего. Дело идет вперед. Тиран-мужчина будет поражен.

Лото мог только пожать её руку.

– Обещайте мне одно. Что бы ни случилось, никогда не делайтесь католиком.

– Почему?

– Эта церковь не признает развода. А теперь поцелуйте меня. Я бы желала в эту торжественную минуту предстать в другой мир при посредстве человека лучшего общества на земле. Прощайте, когда я умру, будьте так добры, уведомьте о том моего мужа.

* * *

Лото провел следующее полгода на одном арийском острове, в арийском климате, и с арийским народом.

– Это арийский вид, – сказал его хозяин, – а это статуи Мери-Анны. Действительно, это была фигура во весь рост из мрамора генеральши Кампердоун!

– Мне бы хотелось сделаться язычником, – сказал однажды Лото, выслушав увлекательную речь своего хозяина о греческом искусстве.

Но в эту ночь, посоветовавшись с хорошо известным спиритическим медиумом, Лото получил сообщение от покойной генеральши Кампердоун; она советовала ему вернуться в Англию. Через два дня после того он явился в Плушам.

– Молодые девушки в саду, – сказала герцогиня. – Не хотите ли пойти сорвать розу? – прибавила она, грациозно улыбаясь и слегка подмигнув глазами, насколько это допускали

её патрицианские манеры и её орлиный нос.

Лото ушел и вскоре вернулся, ведя под руку покрасневшую Кориандер.

– Бог да благословит вас, мои дети, – сказала герцогиня. Затем, обратясь к Лото, она произнесла: – Вы просто приняли и выполнили ваше предопределение. Для вас в нравственном отношении было невозможно жениться вне нашей семьи. Теперь англиканская церковь в безопасности.

«Вестник Европы», № 4, 1883